

УДК 820-1(09):283

Н.И. Соколова

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОЭЗИИ
В ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ ТРАКТАРИАНЦЕВ.
«ЛЕКЦИИ О ПОЭЗИИ» ДЖОНА КИБЛА**

Статья посвящена «Лекциям о поэзии» Джона Кибла, главному произведению трактарианской литературной критики. Охарактеризовано Оксфордское движение, объясняется сущность представлений Кибла о роли поэзии в реализации принципов трактарианцев, о связи поэзии с религией. Отмечены воздействие на него романтической теории, восприятие им оракульной традиции в эстетике. Особое внимание уделяется принципам «искренности» и «скромной сдержанности», утверждаемым Киблом. Выявляется отношение Кибла к личности поэта, его понимание источника художественного творчества. Литературные концепции одного из лидеров Оксфордского движения рассмотрены в контексте викторианской эстетики и литературной критики, отмечено воздействие его идей на викторианскую поэзию.

Оксфордское движение, поэзия, поэт, принцип искренности, принцип «скромной сдержанности», трактарианство.

Трактарианское, или Оксфордское, движение сыграло заметную роль в культурной жизни Англии периода правления королевы Виктории. Связь с трактарианскими лозунгами обнаруживается в представлениях викторианцев о неоготике, в живописи (У. Дайс, прерафаэлиты), в творчестве не только самих трактарианцев (Д.Г. Ньюмен и Д. Кибл), но и выдающихся поэтов эпохи. Д.Б. Теннисон¹ в специальном исследовании прослеживает воздействие трактарианства на К. Россетти и Д.М. Хопкинса. «Лекции о поэзии» Кибла хранились в библиотеке А. Теннисона, увлеченность трактарианством пережил А.Х. Клаф, трактарианские идеи увлекали и автора знаменитого викторианского бестселлера «Наследник Редклиффа» (1854) Шарлотту Йондж, ученицу Кибла. Все это позволяет вывести значение трактарианства за рамки истории религии.

Движение возникло после выхода в свет Билля об Ирландской церкви (1833), ограничившего деятельность некоторых епархий, которые существовали главным образом за счет пожертвований католиков. В кругах духовенства, опасавшегося подобных действий парламента в отношении англиканской церкви, зарождается трактарианство, центром которого становится Оксфордский университет. Наиболее видными его представителями становятся Д. Кибл, А. Уильямс, Д.Г. Ньюмен, Р. Фруд. Прочитанная в 1833 году в церкви Святой Марии проповедь Кибла, в которой он призывал правительство не вмешиваться в дела Церкви,

---

¹ Tennyson G.B. Victorian Devotional Poetry: The Tractarian Mode. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1980. 268 p.

была признана началом Оксфордского движения. Вскоре после этого Д.Г. Ньюмен и Э.Б. Пьюзи приступают к публикации «Трактатов времени», давшему название движению трактарианства.

Трактарианцы были озабочены тем, что англиканская церковь, сблизившись с государством и добившись значительных привилегий, стала в большей мере политическим, чем религиозным институтом. Их тревогу вызывал и растущий рационализм, распространение материалистических идей, ведущих, по их убеждению, к утрате веры, кризису морали. В трактате «О мистицизме» Д. Кибл писал о том, что «здоровый смысл и практическая польза» стали «подлинными идолами века»². Начало процесса «закабаления Церкви государством» трактарианцы относили к эпохе Реформации, поэтому свою цель видели, по выражению Ньюмена, во «второй Реформации»³ – в восстановлении средневекового авторитета Церкви, что повлечет за собой духовное возрождение нации. Трактарианство воспринималось как одно из ответвлений Англиканской Высокой Церкви. Особое значение сторонники движения придавали соблюдению ритуалов, почитанию святых, убранству храмов, облачению священников. Для распространения своих идей они решают создать в Оксфорде новый колледж для будущих священников, которые вели бы строгий монашеский образ жизни и выполняли обеты бедности и послушания, подобно средневековым оксфордским школярам. Отчасти этот замысел удалось реализовать лишь в 1870 году, когда Кибла уже не было в живых. По желанию трактарианцев колледж был назван его именем (Keble College).

Трактарианцы воспринимали природу в единстве ее внешнего – материального – и внутреннего – духовного – начал. По замечанию Э. Джей, «не случайно три ведущих трактарианца – Ньюмен, Кибл, Уильямс – были поэтами, ибо они всегда стремились раскрыть духовную сущность литературного слова». Это проявилось и в их интерпретации библейского текста как системы символов, и в их представлении о том, что Бог «говорит посредством материальной природы, используя ее как средство раскрытия своего мистического присутствия»⁴. Неудивителен в связи с этим интерес трактарианцев к проблемам литературного творчества, развившийся в «Лекциях о поэзии» (1832–1841) Джона Кибла.

Дж. Кибл проявил себя не только как поэт, автор религиозных стихотворений (наибольшей известностью пользовался его сборник «Христианский год», 1827), но и как теоретик литературы. На протяжении ряда лет он возглавлял кафедру поэзии в Оксфордском университете. «Лекции о поэзии» стали результатом его преподавательской деятельности. В теории Кибла получила преломление присущая в целом его эпохе «склонность к установлению связи между эстетическим и религиозным познанием»⁵. Труд Кибла, выражающий идеи

---

² The Evangelical and Oxford Movements / ed. by E. Jay. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 219 p. P. 133.

³ Davis Ph. The Oxford English Literary History. Vol. 8 : 1830–1880 : The Victorians. Oxford : Oxford University Press, 2002. 631 p. P. 114.

⁴ The Evangelical and Oxford Movements. P. 11.

⁵ Fraser H. Beauty and Belief. Aesthetics and Religion in Victorian Literature. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. 287 p. P. 2.

трактарианцев, воспринимается в русле ведущих тенденций викторианской эстетики и литературной критики. Написанные на латыни с целью сохранения, по объяснению автора, «ее прерогативы», «достоинства университета и высшего образования»⁶ «Лекции о поэзии» (“Praellections Academiae”) были переведены на английский язык Э.К. Фрэнсисом в 1912 году.

Несмотря на растущую в обществе популярность романа, вопросы о предназначении поэта, сущности поэзии, поэтическом начале всех видов искусства остаются предметом размышлений эстетиков и теоретиков литературы, продолжающих романтическую традицию. К ним относится и Кибл, трансформирующий концепции романтиков применительно к новой эпохе и к лозунгам трактарианцев. Сетую на низкий уровень критики, ценящей поэта лишь за умение поразить читателей («обсуждается лишь то, что поразительно, если не сказать ужасно и грубо») и игнорирующей то, что является «достойным, простым и искренним»⁷ в поэзии, Кибл предлагает собственные критерии оценки поэтического текста.

Кибл считал поэзию мощной силой нравственного и религиозного воздействия, полагая, что она способствует «восстановлению гармонии мироздания, разрушенной рационализмом»⁸. Поэзия, по Киблу, сродни религии: обе они имеют целью постижение божественной реальности. Такой взгляд на поэзию утверждается в сборнике лекций Кибла, открывающемся посвящением – восторженным панегириком Вордсворту – «подлинному философу и вдохновенному поэту», который «возвышал сердца людей к божественному» и стал «преданным слугою не только прекраснейшей поэзии, но и высшей сокровенной истины»⁹. Уже в посвящении, таким образом, называются те функции поэзии, которые Кибл считает основными: возвышение души и познание истины. Вторая из них и дает основание критику отождествить поэзию с религией.

Под «истиной», «правдой» (truth) современники Кибла понимали сокровенную сущность явлений, что нашло выражение в «философии одежды» Т. Карлейля. Внешняя сторона вещей, писал автор “Sartor Resartus”, лишь «одежда», «символ»: «Все, что существует чувственным образом, все, что дает Духу увидеть другой Дух, есть собственно одеяние, пара платья»¹⁰. Для постижения сути надо уметь смотреть вглубь. Подлинные произведения искусства, по Карлейлю, отличаются от «искусной мазии» тем, что в них «ты различишь Вечность, смотрящую сквозь Время, Божественное, ставшее видимым»¹¹. В выявлении истины видели цель поэзии и искусства викторианцы, развивавшие эстетические принципы романтиков, для которых поэзия,

⁶ Keble J. Lectures on Poetry : in 2 vol. Oxford : Clarendon Press, 1912. Vol. 1. P. 18.

⁷ Ibid. P. 17.

⁸ Beek W.A. John Keble’s Literary and Religious Contribution to the Oxford Movement. Nijmegen : Centrale Drukkerij N.V., 1959. 192 p. P. 77.

⁹ Keble J. Lectures on Poetry. P. 1.

¹⁰ Карлейль Т. Sartor Resartus / пер. Н. Горбова. 2-е изд., пересм. М., 1904. (Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К.). С. 228.

¹¹ Там же. С. 247.

по уверению Шелли, стремится к постижению «вечно истинного», «срывает темную завесу повседневности с окружающих нас предметов»¹².

Киблу импонирует мысль Вордсворта о том, что «человек и природа в главном согласны между собой»¹³. Лидер трактарианцев развивает мысль Вордсворта о большей склонности к поэтическому творчеству сельских жителей: «те, кто живет в городах, имеют меньше общего с поэзией, чем те, кто живет в деревне»; последние в отличие от равнодушных к красотам природы горожан посвятили себя «либо проникновению в сокровенные тайны природы, либо наслаждению ее очарованием»¹⁴. По Киблу произведение, выявляющее единство человека и природы, приобретает особый смысл, поскольку эта связь включает в себе сакральное начало: «Верьте мне, велико значение поэмы или картины, изображающей гармонию неба, моря, земли – всего, что видит глаз, – с судьбой и устремлениями людей: не только по причине красоты, но также потому, что в этой гармонии кроется таинственная глубокая истина»¹⁵.

Как и для Карлейля, природа для Кибла – средоточие символов, скрывающих внутреннюю сущность. По его мнению, поэт, обращаясь к природе, должен уподобиться библейским пророкам, для которых «формы и внешняя сторона окружающих нас вещей» были «доказательством и залогом присутствия Бога»¹⁶. Еще древние, рассуждает Кибл, верили, что в поэтах есть нечто божественное: рапсоды никогда не записывали своих песен, но пели, «словно вдохновленные божественным велением». Неслучайно в латинском языке слова “canere”, “carmen”, “vates” обладают двойственным значением: «петь» и «предсказывать», «песня» и «пророчество», «поэт» и «пророк». Вот почему поэтические произведения являются творением не поэта, но «самой Природы или даже Того, Кто создал Природу»¹⁷. Почти текстуально эти слова повторяет Карлейль при характеристике героя-поэта, замечая, что различные в современном понимании слова «поэт» и «пророк» в некоторых древних языках были синонимичными: “vates” означает и «пророк», и «поэт», их общность в том, что «оба они проникают в сокровенную тайну Вселенной»; “Vates” – Пророк или Поэт – постиг эту тайну; это человек, посланный свыше, чтобы открыть ее нам»¹⁸. Как и Кибл, Карлейль обнаруживает источник творчества поэта в Природе: «все, что есть в нем подлинно великого, возникает из ее неведомых глубин»¹⁹.

Отождествляя поэта и пророка, викторианцы следовали оракульной (или пророческой) традиции в эстетике, восходящей к античности и актуализировавшейся у романтиков, увлеченных платоновской концепцией «одержимости» поэта. Ее сторонники воспринимали дар как начало, абстрагированное от творческой личности,

¹² Шелли П.Б. Защита поэзии // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М. : Изд-во МГУ, 1980. С. 329–346.

¹³ Вордсворт У. Предисловие к «Лирическим балладам» // Там же. С. 270.

¹⁴ Keble J. Lectures on Poetry. Vol. 2. P. 295.

¹⁵ Ibid. P. 461.

¹⁶ Ibid. P. 268.

¹⁷ Ibid. P. 174.

¹⁸ Carlyle T. Lectures on Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History. Oxford: Oxford University Press, 1925. 286 p. P. 73.

¹⁹ Ibid. P. 102.

пробуждающееся в минуты вдохновения, когда поэт перестает быть самим собой, становясь пророком, оракулом божества, воспламенившего его душу. В бессознательной деятельности Кольридж усматривал «гениальность гения»²⁰. Разделяя эти представления, Кибл обнаруживает причину отождествления поэта с пророком в бессознательном характере творчества. В этом отношении, по мысли критика, поэты и пророки имеют нечто общее с безумцами, в устах которых звучат чувства, им не приходящие: «в сущности, по убеждению большинства людей, они находятся во власти Бога или, по крайней мере, какого-либо духа»²¹.

Повторяя за Вордсвортом определение поэзии как «стихийного излияния сильных чувств»²², Кибл также утверждает, что поэзия не может быть названа таковой, если она не является «стихийным выражением сокровенного чувства поэта». По его утверждению, поэт должен быть искренним, поскольку он пишет «из сокровенной искренности своего сердца»²³. Кибл настаивает на искренности поэта не случайно: «искренность в сочетании с осязаемым моральным или характерологическим значением стала излюбленной викторианской добродетелью»²⁴. До XIX века слову «искренность» (*sincerity*) придавался религиозный оттенок: оно означало чистоту веры, свободу от религиозных сомнений. В романтической эстетике это понятие приобрело иной смысл: поэт должен быть искренним, доказывая, что его сочинение «проистекает из сердца, жаждущего обнажить свои подлинные чувства»²⁵. Романтическое понимание искренности было воспринято викторианцами. По Т. Карлейлю, поэт является пророком прежде всего вследствие «добродетели искренности»²⁶. Дж. Рескин соотносил искренность в изображении чувств в искусстве с представлением о воображении как «видении сердцем», утверждая, что «если нет сердца в том, что изображается, то все сравнения, преувеличения, страсти – пустое оригинальничанье, лишённое творческого огня»²⁷.

Для Кибла искренность является критерием таланта творческой личности. Он делит поэтов на два класса. К первому относятся «главные (*primary*) поэты», которые «под влиянием стихийного порыва прибегают к творчеству для облегчения и утешения переполненного или возбужденного сознания», «поэты, рожденные в доме муз, поэты по праву». Ко второму относятся подражатели, имитирующие «идеи, способ выражения и размер» главных поэтов, пишущие с «изоощренным мастерством, но без подлинного чувства». В свою очередь на две категории делятся и читатели: для одних поэзия – «единственное утешение души», «ниспосланное небом облегчение страданий», для других (и их большинство) – лишь средство развлечения: им доставляют удовольствие

²⁰ Кольридж С.Т. Избранные труды. М. : Искусство, 1987. 350 с. С. 227.

²¹ Keble J. Lectures on Poetry. Vol 2. P. 189.

²² Вордсворт У. Предисловие к «Лирическим балладам». С. 263.

²³ Keble J. Lectures on Poetry. Vol. 2. P. 37.

²⁴ Abrams M.H. *The Mirror and the Lamp. Romantic Theory and the Critical Tradition*. London ; Oxford ; New York : Oxford University Press, 1960. 406 p. P. 319.

²⁵ Ball P. *The Central Self. A Study in Romantic and Victorian Imagination*. L. : The Athlone Press, 1968. 236 p. P. 154.

²⁶ Carlyle T. *Lectures on Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History*. P. 76.

²⁷ Аникин Г.В. Эстетика Джона Рескина и английская литература XIX века. М. : Наука, 1986. 320 p. С. 76.

поэтические размеры и рифмы, тогда как суть поэзии «в глубинах сердца, в самых сокровенных чувствах поэта»²⁸. Поэт, по Киблу, пишет искренне, бескорыстно, не заботясь о красоте слога, о восприятии публики. Поэтому Платон поэтичнее Цицерона: Цицерон всегда думает об аудитории, о производимом эффекте, тогда как Платон «кажется погруженным в свои прекрасные темы; он пишет, чтобы доставить удовольствие себе, не для того, чтобы покорить других»²⁹.

Между тем искренность поэта, по убеждению Кибла, должна сочетаться со «скромной сдержанностью» (*modest reserve*). «Сдержанность» Д. Баттискум называет «краугольным камнем» «Лекций о поэзии», обоснованно обнаруживая в этом отличие Кибла от Вордсворта, для которого поэзия была средством раскрытия души³⁰. Поэт, по Киблу, обладает особой восприимчивостью; лишь немногим избранным, лишь одному из тысячи дано понять его, и он должен «сдерживать себя во избежание насмешек». Обнажать свою душу перед недостойными – все равно, что «петь для глухого, танцевать перед слепым». Сдержанность в поэзии сродни религии: истинные верующие отличаются скромностью в выражении своей веры. Сама сущность поэзии заключается в том, что сокровенные чувства поэта, которые он считал бы грехом высказать открыто, находят свое выражение в скрытом, завуалированном виде. «Поэзия – своего рода лекарство, ниспосланное человеку свыше, целительно освобождающее его душу от тайных страстей, но без ущерба для скромной сдержанности»³¹.

Представление о поэтическом творчестве как средстве излечения от страстей дало основание М. Абрамсу назвать Д. Кибла предшественником З. Фрейда с его идеей сублимации³². Но Кибл озабочен не столько идеей реализации страстей в искусстве, сколько проблемой очищения души. По Киблу, нельзя обнажить душу, но волнующие ее страсти должны найти выход, и они находят его в поэтическом творчестве. Ценность поэзии заключается в том, что она, подобно молитве, обладает исцеляющим, успокаивающим действием. По Киблу, художественные средства, используемые в поэзии, подчинены принципу «скромной сдержанности». Такова аллегория, которая дает возможность поэту в завуалированном виде высказать то, о чем он никогда не позволил бы себе говорить публично. Блестящий пример аллегории Кибл находит в «Королеве фей». «Самый преданный из влюбленных», Спенсер, прославляя королеву, посредством искусных аллюзий намекал на собственные чувства и таким образом, «не отказываясь от сочувствия читателей, не выдавая своей тайной страсти, он мог облегчить собственные любовные страдания посредством поэзии»³³. Принципу «скромной сдержанности» отвечает и ирония, посредством которой поэты «принижают собственные пристрастия и делают вид, что смеются над ними»³⁴. Скромная сдер-

---

²⁸ Keble J. Lectures on Poetry. Vol. 1. P. 49.

²⁹ Ibid.

³⁰ Battiscombe G. John Keble. A Study in Limitations. N.Y. : Knopf, 1964. 396 p. P. 139.

³¹ Keble J. Lectures on Poetry. Vol. 1. P. 73.

³² Abrams M.H. The Mirror and the Lamp. P. 144.

³³ Keble J. Lectures on Poetry. Vol. 1. P. 82.

³⁴ Ibid. P. 84.

жанность порой заставляет поэта выбирать предмет, далекий от того, что его тревожит, побуждает его предпочесть нарочито усложненную форму стиха: «самое изощренное искусство предназначено для того, чтобы оказывать целительное воздействие на смятенную природу»³⁵.

Век Виктории настороженно относился к откровенному проявлению чувств. Требуя от художника искренности, современники Кибла не допускали полного обнажения страстей в искусстве. Так в поэме “In Memoriam” (1850), опубликованной спустя семнадцать лет после смерти своего друга, А. Теннисон признавался, что порой считал «полугрехом» выражение в словах своего горя; слова, подобно природе, полускрывают и полураскрывают душу:

I sometimes hold it half a sin
To put in words the grief I feel;
For words, like Nature, half reveal
And half conceal the Soul within³⁶.

Д. Шоу частые случаи неясности, недосказанности викторианской поэзии объясняет влиянием эстетики Кибла³⁷. Читатель порой остается в неведении относительно события, вызвавшего состояние души лирического героя. Примером может служить стихотворение «Мираж» К. Россетти, воспринявшей идеи трактарианцев под влиянием матери – сторонницы Оксфордского движения. Героиня стихотворения осознает, что ее надежда была грезой. Она пробудилась от сна, но чувствует себя безутешной, изможденной и постаревшей. Она повесила арфу на плачущую иву, пытается успокоить свое разбитое сердце, но ее жизнь, весь мир и она сама изменились. Важность утраченной надежды акцентирует эпифора, повторяющаяся в конце каждой строфы (“For a dream’s sake”). В первой и последней из четырех строф употреблен прием хиазма:

The hope I dreamed of was a dream,
Was but a dream...
Lie still, lie still, my silent heart;
My silent heart, lie still and break...

Образы плачущей ивы (“weeping willow”), молчаливой арфы, сломанной и растерзанной (“my silenced harp... wrung and snapt”), – библейская аллюзия, отсылающая к 136 псалму, в котором выражено состояние несвободы, утраты душой райского блаженства, а также намек на то, что страдание героини достигает такой силы, что лишает ее способности к творчеству, умолкнувшего разбивающегося сердца (“my breaking heart, / My silenced heart”) окрашивают стихотворение трагизмом. Эмоциональный эффект произведения усиливает прием многосоюзия, повторение “and” в конце заключительной строфы:

³⁵ Ibid. P. 100.

³⁶ Tennyson A. In Memoriam // Poems and Plays. L. ; Oxford ; N.Y. : Oxford University Press, 1975. P. 230–266. P. 231.

³⁷ Shaw D. The Lucid Veil: Poetic Truth in the Victorian Age. L. : University of Wisconsin Press, 1987. 311 p. P. 68–71.

Life, and the world, and my own self are changed
For a dream's sake³⁸.

Подобная загадочность отличает и другие произведения поэтессы: «Закрыто» (“Shut Out”), «Зима: мой секрет» (“Winter: My Secret”). Отсутствие событий, откровенных излияний чувств компенсируется введением стилистических приемов, раскрывающих характер переживаний героини.

Принцип «скромной сдержанности» заключал в себе не только этический, но и религиозный смысл. Трактарианцы исходили из того, что Бог непознаваем, истину нельзя обнажить до конца, она раскрывается человеку лишь в той мере, в какой он наделен способностью ее постижения. «Сдержанность», по словам К. Мейберри, «относилась не только к Богу, постепенно раскрывающему истину, но и к идеальному поэту, раскрывающему истину Бога»³⁹.

Следует согласиться с Д.Б. Теннисоном в том, что понятие «поэзия» для трактарианцев было универсальным, применимым к искусству в целом⁴⁰. Задумываясь над предметом изображения в поэзии, Кибл делит ее на две разновидности: поэзию действия, обращенную к человеческим деяниям, и поэзию созерцательную, стремящуюся постичь тайны природы. В обоих случаях поэт постигает сокровенную истину, обнаруживая ее в природных символах или выявляя высший закон, управляющий ходом человеческой жизни. Поэтому поэтическое начало, по Киблу, может быть обнаружено в станковой живописи, скульптуре, архитектуре, музыке – во всех видах искусства, «апеллирующих к человеческим чувствам», выражающим отношение человека к Богу⁴¹.

Критерием изображения человека в поэзии для Кибла является постижение тайн души. Отсюда резкие суждения автора «Лекций о поэзии» об «Энеиде», автор которой, по убеждению критика, оставляет читателя равнодушным: образ героя отличается заданностью, Эней произносит речи и действует в соответствии с тем, как должны были действовать и поступать его современники, это не живой человек, но тень прославленного имени. Вергилия «едва ли интересовал характер и наклонности его героя»⁴². Кибл советует поэтам обращать внимание не только на доблестные деяния героя, но и на его маленькие слабости, обыденные детали. Описание повседневных мелочей не только очеловечивает образ, но и заключает в себе сакральный смысл: божественная истина раскрывается поэту в незначительных проявлениях человеческой жизни, как и в природных символах: «Никто не может считать себя совершенно свободным от власти Провидения при любом стечении обстоятельств, будь то случайная встреча с друзьями или изменение картины неба»⁴³.

---

³⁸ Rossetti C. Poems. Oxford : Oxford University Press, 1913. 297 p. P. 60.

³⁹ Mayberry K.J. Christina Rossetti and the Poetry of Discovery. Baton Rouge ; L. : Louisiana State University Press, 1989. 230 p. P. 113.

⁴⁰ Tennyson G.B. Victorian Devotional Poetry: The Tractarian Mode. P. 20.

⁴¹ Keble J. Lectures on Poetry. Vol. 1. P. 44.

⁴² Keble J. Lectures on Poetry. Vol. 2. P. 378.

⁴³ Ibid. Vol. 1. P. 298.

Считая, что поэзия заключает в себе моральную сущность, Кибл задумывается над нравственным обликом поэта. Критик замечает, что часто люди безупречной репутации поддаются обаянию стихов, написанных человеком, с которым они никогда не стали бы водить дружбу. По причине непостоянства человеческой природы поэты способны создавать произведения, противоречащие их наклонностям: целомудренное может произойти от порочного, однако они редко изменяют собственной природе, поэтому в жизни поэт должен быть нравственно совершенной личностью. Кибл с негодованием отзывается о Байроне, хотя и наделенном «страстным и глубоким поэтическим талантом», но разделявшем «дикие мечты тех, кто убежден, что миром управляют силы зла». В результате тот, кому следовало стать «проповедником и истолкователем сокровенных тайн Природы», дал читателям «лишь портрет собственной личности, тревожимой либо необузданной горечью, либо сладострастным восторгом»⁴⁴. Между тем назначение поэзии – «открывать путь Божественной истине», «вышаты души к «добродетели и вере»⁴⁵.

Ригоризм Кибла в отношении поэта отвечал представлениям его эпохи. Пристальное внимание викторианцев к моральной стороне искусства не могло не вызвать интереса к нравственному облику художника. Карлейль считал, что лишь поэт, наделенный высокой нравственностью, может проникнуть в суть явлений: «Чтобы постичь явление, надо, прежде всего, полюбить его, сочувствовать ему, то есть быть нравственно связанным с ним». Задача поэта – проникать в сердце природы, но «Природа с ее истиной навсегда останется для злых, эгоистичных и малодушных книгой за семью печатями»⁴⁶. В «Современных художниках» Рескин утверждал, что человек, в котором «мертво нравственное чувство, всегда глух к восприятию правды, и истины Природы совершенно скрыты от него, как бы упорны и неутомимы ни были поиски его ума»⁴⁷.

Рассмотренные в контексте эстетических и литературно-критических тенденций эпохи «Лекции о поэзии» позволяют сделать вывод, что труд Кибла, задуманный с целью установления тождества поэзии с религией, выходит за рамки своего замысла. Затронутые Киблом проблемы нравственной сущности поэзии, поэтической истины, искренности чувства, выраженного поэтом, и необходимости «скромной сдержанности», по-разному решаемые викторианскими теоретиками литературы и искусства, продолжавшими романтическую традицию, делают «Лекции о поэзии» интересным памятником ранневикторианской литературно-критической мысли.

---

⁴⁴ Ibid. Vol. 2. P. 339.

⁴⁵ Ibid. P. 479.

⁴⁶ Carlyle T. Lectures on Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History. P. 97.

⁴⁷ Ruskin J. Modern Painters : in 5 vol. N.Y. : Wiley, 1883. Vol. I. P. 118.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин, Г.В. Эстетика Джона Рескина и английская литература XIX века [Текст] : моногр. – М. : Наука, 1986. – 320 с.
2. Вордсворт, У. Предисловие к «Лирическим балладам» [Текст] // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – С. 261–278.
3. Карлейль, Т. Sartor Resartus [Текст]. – 2-е изд. – М., 1904. (Типолитогр. т-ва И.Н. Кушнерев и К.). – 198 с.
4. Кольридж, С.Т. Избранные труды [Текст]. – М. : Искусство, 1987. – 350 с.
5. Шелли, П.Б. Защита поэзии [Текст] // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – С. 325–348.
6. Abrams, M.H. The Mirror and the Lamp. Romantic Theory and the Critical Tradition [Text]. – L. ; Oxford ; N.Y. : Oxford University Press, 1960. – 406 p.
7. Ball, P. The Central Self. A Study in Romantic and Victorian Imagination [Text]. – L. : The Athlone Press, 1968. – 236 p.
8. Battiscombe, G. John Keble. A Study in Limitations [Text]. – N.Y. : Knopf, 1964. – 396 p.
9. Beek, W.A. John Keble's Literary and Religious Contribution to the Oxford Movement [Text]. – Nijmegen : Centrale Drukkerij N.V., 1959. – 192 p.
10. Carlyle, T. Lectures on Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History [Text]. – Oxford : Oxford University Press, 1925. – 286 p.
11. Davis, Ph. The Oxford English Literary History [Text]. – Vol. 8 : 1830–1880 : The Victorians. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 631 p.
12. Fraser, H. Beauty and Belief. Aesthetics and Religion in Victorian Literature [Text]. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – 287 p.
13. Keble, J. Lectures on Poetry [Text] : in 2 vol. – Oxford : Clarendon Press, 1912.
14. Mayberry, K.J. Christina Rossetti and the Poetry of Discovery [Text]. – Baton Rouge : L. : Louisiana State University Press, 1989. – 230 p.
15. Rossetti C. Poems [Text] / C. Rossetti. – Oxford : Oxford University Press, 1913. – 297 p.
16. Ruskin, J. Modern Painters [Text] : in 5 vol. – N.Y. : Wiley, 1883. – Vol. I. – 429 p.
17. Shaw, D. The Lucid Veil: Poetic Truth in the Victorian Age [Text]. – L. : University of Wisconsin Press, 1987. – 311 p.
18. Tennyson, A. In Memoriam [Text] // Poems and Plays. – London ; Oxford ; New York : Oxford University Press, 1975. – P. 230–266.
19. Tennyson, G.B. Victorian Devotional Poetry: The Tractarian Mode [Text]. – Cambridge ; Massachusetts : Harvard University Press, 1980. – 268 p.
20. The Evangelical and Oxford Movements [Text] / ed. by E. Jay. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 219 p.

REFERENCES

1. Abrams, M.H. The Mirror and the Lamp. Romantic Theory and the Critical Tradition [Text]. – L. ; Oxford; N.Y. : Oxford University Press, 1960. – 406 p.
2. Anikin, G.V. Estetika Dzhona Reskina I angliyskaya literature XIX veka [John Ruskin's aesthetics and English literature of the 19th century] [Text]. – M. : Science, 1986. – 320 p.
3. Ball, P. The Central Self. A Study in Romantic and Victorian Imagination [Text]. – L. : The Athlone Press, 1968. – 236 p.
4. Battiscombe, G. John Keble. A Study in Limitations [Text]. – N.Y. : Knopf, 1964. – 396 p.

5. Beek, W.A. John Keble's Literary and Religious Contribution to the Oxford Movement [Text]. – Nijmegen : Centrale Drukkerij N.V., 1959. – 192 p.
6. Carlyle, T. Lectures on Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History [Text]. – Oxford : Oxford University Press, 1925. – 286 p.
7. Carlyle, T. Sartor Resartus [Text]. – Ed. 2. – Moscow, 1904. (Tipo-lithography of the Association of Kushnerev and K). – 198 p.
8. Coleridge, S.T. [Selected Works] [Text]. – Moscow : Art, 1987. – 350 p.
9. Davis, Ph. The Oxford English Literary History [Text]. – Vol. 8 : 1830–1880: The Victorians. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 631 p.
10. Fraser, H. Beauty and Belief. Aesthetics and Religion in Victorian Literature [Text]. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – 287 p.
11. Keble, J. Lectures on Poetry [Text] : in 2 vol. Oxford : Clarendon Press, 1912.
12. Mayberry, K.J. Christina Rossetti and the Poetry of Discovery [Text]. – Baton Rouge ; L. : Louisiana State University Press, 1989. – 230 p.
13. Rossetti, C. Poems [Text]. – Oxford : Oxford University Press, 1913. – 297 p.
14. Ruskin, J. Modern Painters [Text] : in 5 vol. – N.Y. : Wiley, 1883. – Vol. I. – 429 p.
15. Shaw, D. The Lucid Veil: Poetic Truth in the Victorian Age [Text]. – L. : University of Wisconsin Press, 1987. – 311 p.
16. Shelley, P.B. A Defence of Poetry [Text] // Literary manifestos of Western European romanticists. – Moscow : MSU, 1980. – P. 325–348.
17. Tennyson, A. In Memoriam [Text] // Poems and Plays. – L. ; Oxford ; N.Y. : Oxford University Press, 1975. – P. 230–266.
18. Tennyson, G.B. Victorian Devotional Poetry: The Tractarian Mode [Text]. – Cambridge ; Massachusetts : Harvard University Press, 1980. – 268 p.
19. The Evangelical and Oxford Movements [Text] / ed. by E. Jay. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 219 p.
20. Wordsworth, W. Predisloviye k "liricheskim balladam" [Preface to "Lyrical Ballads"] [Text] // Literary manifestos of Western European romanticists. – Moscow : MSU, 1980. – P. 261–278.

N.I. Sockolova

**CONCEPTS OF POETRY IN TRACTARIANS' LITERARY THEORY.
JOHN KEBLE'S "LECTURES ON POETRY"**

The article is devoted to John Keble's "Lectures on Poetry", the major work of Tractarian literary criticism. The Oxford movement is characterized, the essence of Keble's ideas of poetry's role in realization of Tractarians' principles, of the link of poetry and religion is explained. The romantic theory's influence upon Keble, his perception of oracular tradition in aesthetics are underlined. Particular attention is paid to principles of "sincerity" and "modest reserve", declared by Keble. Keble's attitude to a poet's personality, his understanding of the source of creative activity are revealed. Literary concepts of one of Tractarians' leaders are regarded in context of Victorian aesthetics and literary criticism, the influence of his ideas on Victorian poetry is accented.

the Oxford movement, poetry, poet, principle of sincerity, principle of "modest reserve", Tractarianism.